

Паремиологические единицы в дунганском и китайском языках: параметризация, эксперимент, базы данных

© кандидат филологических наук Т. С. Зевахина, 2002

Паремиология и фразеология

Основной фонд паремиологических единиц (или паремий) составляет множество тех речений, которые принято называть пословицами и поговорками (ср. термины: греч. *paroimí a*, лат. *proverbium*, англ. *proverb, saying*, нем. *das Sprichwort, sprichwörtliche Redensart*, франц. *le proverb, le dicton*, кит. 谚语 *yan⁴yu³* “изречение, пословица, поговорка”, 格言 *ge²yan²* “речение, шаблонная фраза, пословица, поговорка”, 俗话 *su²hua⁴* “распространенное выражение, популярное изречение, афоризм, пословица, поговорка”, 成语 *cheng²yu³* “устойчивое выражение, фразеологизм, идиома, пословица, поговорка”, дунг. ку²гә р¹”пословица”, ку²люр²”поговорка”)¹. При попытке определить их статус в языке мы сразу же сталкиваемся с большим теоретическим разнообразием: во-первых, по-разному понимается объем каждого из этих понятий. Особенно это касается поговорки. Одни ученые понимают ее, например, как изречение, имеющее форму законченного предложения и обладающее только буквальным смыслом, типа *Насильно мил не будешь* [Жуков 1990а: 379]. Другие же авторы считают поговоркой такое клишированное выражение, которое не является законченным предложением (а оформляется полностью лишь с помощью дополнительных слов из контекста) и, кроме того, характеризуется переносным (образным) смыслом, типа *Оставил корову сторожить сено* [Пермяков 1988: 17-18]. Третьи трактуют поговорку как образный оборот типа *ни к селу ни к городу* или даже как отдельное образное слово, “выросшее” из пословицы (см. ниже).

¹ В звуковой записи китайских слов используются цифровые обозначения тонов: 1 – ровный, 2 – восходящий, 3 – нисходяще-восходящий, 4 – падающий. Дунганские слова даны в принятой орфографии на кириллической основе с цифровым обозначением дунганских тонов: 1 – восходящий, 2 – падающий, 3 – ровный. Как известно, первый и второй китайские тоны слились в первом дунганском, третий китайский перешел во второй дунганский, а четвертый китайский – в третий дунганский.

Во-вторых, различна трактовка самого характера взаимоотношений между классом пословиц и классом поговорок. Например, как ясно из предшествующего, иногда граница между ними проводится так, что они выглядят как совершенно независимые классы популярных высказываний — метафоричных (пословицы) и неметафоричных (поговорки) [Жуков 1990а; 1990б]

Однако, если мы обратимся к народному пониманию этих терминов, то, согласно В.И. Далю, мы найдем такое определение: *Поговорка — цветочек, а пословица — ягодка*. “Поговорка не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает” [Даль 1996: 16] “Пословица — коротенькая притча; сама же она говорит, что *Голая речь не пословица*” [Даль 1996: 15].

Сущности этих речевых жанров много внимания уделил А.А. Потебня, который исследовал их, как мы теперь сказали бы, с когнитивно-лингвистической точки зрения [Потебня 1990: 90]. Он считает, что поговорка отличается частичным, символическим отражением ситуации: это своего рода сокращение или сгущение пословицы, “эмблема” ситуации (ср. поговорку *тянуть ляжку* при пословице *Тяну ляжку, пока не выроют ямку* — о тяжелой работе бурлака до самой смерти). Таково же выражение *собака на сене* или образное слово *везет* (первоначально оно употреблялось в пословице *Дураку счастье везет* в смысле “Счастье-двойник привозит дураку все, что он пожелает”). Заметим в связи с этим, что о вторичности поговорки по отношению к пословице свидетельствует и внутренняя форма немецкого эквивалента термина *поговорка* – *sprichwörtliche Redensart* “пословичное выражение”.

В-третьих, расходятся взгляды на отношения между паремией и фразеологией. При всем разнообразии точек зрения на состав этих дисциплин и на соотношение объекта их исследования можно свести эти взгляды к двум противоположным позициям: это (1) узкое понимание фразеологии, исключающее паремии из ее исследовательского поля, и (2) широкое ее понимание с включением паремий в число фразеологических единиц [Телия 1990а; 1990б; Лексикографическая 1988].

Мы придерживаемся второй точки зрения. Кроме известных теоретических аргументов в пользу данной позиции, нас склоняет к ней опыт практической работы с материалом дунганского, китайского и других языков с применением методов, указанных в названии статьи, — параметризации, эксперимента, ведения баз данных.

Предварительно приведем здесь только несколько фактов по этому поводу.

При сравнении состава “Фразеологического словаря русского языка” и двуязычного русско-английского словаря пословиц и поговорок обнаруживается целый ряд пересечений в их составе: *Кто в лес, кто по дрова; Курам на смех; Понимает, как свинья в апельсинах; Ме-*

тать бисер перед свиньями и т.д. Как видим, практика двуязычной работы немедленно стирает жесткие границы между разными типами несвободных словосочетаний.

Показательны в этом отношении и особые китайские устойчивые сочетания, имеющие обычно четырехчленный состав и характерные в основном для литературной речи. Примером такого фразеологизма может служить следующий: 风声鹤唳 *feng¹ sheng¹ he⁴ li⁴* (букв. “ветер+шум+журавль+крик”, т.е. “шум ветра, крик журавля” в смысле “отступающая армия принимает малейшие звуки за шум преследующего ее неприятеля”). Приведем описание семантики этого фразеологизма, учитывающее основные контексты его употребления (по данным большого словаря): “тревожная напряженность; быть (жить) в страшной тревоге; впадать в панику от каждого шороха и звука; у страха глаза велики” [Китайско-русский 1992]. Здесь жесткие различия между видами языкового отражения ситуации стерты уже в рамках одного и того же оборота: он может выражать и субстантивную номинацию чувства страха, и предикативно-атрибутивную номинацию состояния человека или толпы, и сентенциальную модель развертывающейся перед нашими глазами ситуации. Базовая образная картина одна и та же, но она по-разному встраивается в тот или иной речевой контекст (о чем и говорят различные русские переводы). Итак, паремиологию целесообразнее рассматривать как часть фразеологии (дополнительные свидетельства этому будут представлены в других местах настоящей статьи).

Все фразеологические явления (особенно паремии) представляют сегодня интерес для целого ряда наук о человеке (для логики, герменевтики, психологии, социологии, культурологии, фольклористики, семиотики, истории, антропологии, этнографии и других) и являются предметом междисциплинарных, комплексных исследований. Интегрирующую функцию при этом должна выполнять лингвистика, что следует из особой роли языка в становлении человека и его мышления, и это не раз доказывалось опытом комплексных семиотических исследований двадцатого века [Из работ 1997]. Ведущее место здесь отводится лингвистической семантике, а она, в свою очередь, сегодня имеет прежде всего когнитивно-коммуникативную ориентацию [Городецкий 1986].

С исследовательской точки зрения нам представляется продуктивным такой подход к фразеологическому фонду языка, при котором он рассматривается как открытое нечеткое множество семантических комплексов; при этом содержание каждого такого комплекса опирается на особые “аспекты значений слов” и на индивидуальные семантические реляции” между ними. Тогда мы можем считать, что “фразеологичность в той или иной степени разлита по всей речи” [Городецкий

1969: 195-198]. Но закрепление лексико-семантического комплекса в языковой памяти говорящих и его речевая воспроизводимость определяются высокой степенью его фразеологичности. Она достигается в случае яркой “особости” (прежде всего — образности) осмысления лексических значений и в случае сильной “индивидуализированности” семантических реляций (сильного притяжения между смыслами в структуре фразеологизма). Здесь можно вспомнить также понятия степени “устойчивости” и степени “идиоматичности” как инструментов, предложенных для определения ядра и периферии фразеологического фонда [Мельчук 1960].

Самый высокий статус в фразеологической системе занимают, безусловно, типичные пословицы: ведь именно в них в полной мере воплощены образность и реляционная спаянность, богатый когнитивный опыт и развернутая коммуникативность. Все другие разновидности фразеологизмов уступают пословицам по совокупности этих главных свойств и как бы подчинены им.

Имея в виду упоминавшуюся нечеткость границ, мы можем подразделять фразеологические единицы на важнейшие типы и переходные явления между ними, но главная исследовательская цель при этом — познание их многомерной природы. Выделение класса собственно паремиологических единиц может основываться на следующих основных конституирующих свойствах:

1. сентенциальность (соответствующий лексический комплекс построен на основе семантической структуры предложения, фактической или подразумеваемой);
2. народность (отсутствие конкретного авторства, признание изречения достоянием народа);
3. обобщение жизненного опыта, как на бытовом уровне, так и на уровне высокой народной мудрости;
4. повторяемость (частая воспроизводимость) в живой речи (по крайней мере, в некоторый период существования этой единицы);
5. передаваемость из поколения в поколение;
6. художественность (использование поэтических средств художественной речи).

Принципы параметризации паремиологических единиц

Адекватное моделирование и типологическое изучение ПЕ могут осуществляться лишь на основе единообразного описания их особенностей. Но при этом важно не столько устанавливать жесткие априорные типы, “подводя под них” избранные языковые явления, сколько применять более гибкую методологию сплошного исследования живых фактов коммуникативной деятельности и определения их места в многомерном семантическом пространстве [Городецкий 1973; 1983; Карау-

лов 1981]. Опираясь на опыт современной научной фразеологии [Пермяков 1970; 1988; Лексикографическая 1988; Телия 1990а; 1990б] и на свои собственные исследования, мы предлагаем своеобразную сетку параметров, в терминах которой можно характеризовать каждую данную паремию. Основные параметры таковы:

- Семантико-синтаксические функции ПЕ как целого.
- Формальный тип конструкции, лежащей в основе построения ПЕ.
- Лексическое наполнение ПЕ (лексико-грамматическая характеристика членов конструкции).
- Семантическая структура паремиологической фразы (синтагматические смысловые связи между ее составными частями, включая тема-рематическое членение, актуализированные валентности, семантические падежи, лексические параметры и др.).
- Инвариантная логическая структура ПЕ (логическое суждение, логические связи, тип логического противопоставления).
- Первичная когнитивная сфера ПЕ (прямой, или буквальный, план).
- Конкретный ситуативный фрейм буквального плана ПЕ.
- Семантические поля, в которые входят знаменательные слова ПЕ при ее прямой интерпретации.
- Семантический компонентный анализ ПЕ в ее буквальном плане.
- Речевая применимость/неприменимость ПЕ в ее прямой интерпретации.
- Вторичные когнитивные сферы ПЕ (переносные планы).
- Обобщенный ситуативный фрейм для переносных планов ПЕ и варианты его реализации.
- Семантические поля, в которые входят знаменательные слова ПЕ при ее переносных интерпретациях.
- Семантический компонентный анализ ПЕ в ее переносных планах.
- Характер образности членов конструкции и всей ПЕ в целом.
- Степень четкости семантического содержания ПЕ; полисемия членов конструкции и ПЕ в целом.
- Метафорические механизмы (обобщенные полисемические корреляции), лежащие в основе потенциальных переносных употреблений ПЕ.
- Тематика когнитивного обобщения, содержащегося в ПЕ (затрагиваемые рубрики тезауруса).
- Коммуникативный потенциал ПЕ на виртуальном уровне (иллокутивная сила, потенциальные коммуникативные цели, роли коммуникантов).

- ИмPLICITная информация, содержащаяся в ПЕ (пресуппозиции, косвенные речевые акты, коммуникативные импликатуры, следствия, намеки, подтекст и др.).
- Поэтические средства организации содержания (ритм, рифма, параллелизм в конструкции, эпитеты, гиперболы и др.).
- Контекстные коммуникативные характеристики ПЕ, т.е. характеристики особенностей коммуникативной актуализации данной ПЕ при ее употреблении в конкретных контекстах речевого общения.
- Комплекс факторов экспрессивного слоя информации (субъективное отношение говорящего, например, уничижительное или почтительное, стилистическая принадлежность, например, сниженный или возвышенный стиль, и др.).
- Прагматический потенциал ПЕ (практические цели, ценностные ориентации, воздействие на сознание, регулятивы поведения, социальные установки, моральный кодекс и т.п.).
- Общефилософский статус когнитивного содержания ПЕ (характеристика житейской мудрости с позиций философии жизни, философии поступка, философии познания, философии религии и др.).
- Цивилизационные и национально-культурные факторы, отражаемые в ПЕ.
- Межкультурные семиотические параллели для данной ПЕ.
- Вариативность данной ПЕ.
- Наличие синонимов у данной ПЕ.
- Наличие других коррелятов у данной ПЕ.
- Итоговый типологический портрет данной ПЕ (как в плане внутриязыковой, так и межъязыковой типологии).

Подобная система параметров отражает тенденцию современной науки к углублению и расширению исследований в рассматриваемой области. Опыт изучения паремиологических единиц показывает, что они являются естественным и богатным материалом для развития теории языковой картины мира и коммуникативной теории языка, в частности, теории речевых актов. За каждой пословицей, поговоркой, загадкой, притчей стоит не просто целая ситуация, а совокупность многих когнитивно близких ситуаций. Активно исследуются иллюкативная сила паремий, их оценочные и имплицитные компоненты. Паремии всегда связаны не только с непосредственным контекстом говорения/слушания, но всегда подразумевают и отсылку к глобальному контексту, то есть ко всей совокупности знаний о мире. Наряду с узуальным, изучается и окказиональное употребление паремий в речи. Учитываются как интенция говорящего, так и воздействие на адресата. Аппелируя не только к разуму, но зачастую и к чувствам слушающего, паремии служат целям наиболее эффективного воздействия на него, спо-

собствуя изменению его поведения или мнения. С точки зрения иллюкативной силы, паремиологические единицы представляют собой не только утверждения, но и советы, предупреждения, похвалы, осуждения и т.п.

Пословицы (как высший слой паремиологического фонда) тесно вплетены в культурный контекст общечеловеческого и национально-го сознания. Так, “один из видов пословиц примыкает непосредственно к басням” [Потебня 1976: 512].

Вопросы интерпретации пословиц отличаются особой сложностью. Пожалуй, они даже более сложны, чем проблемы истолкования более длинных текстов других речевых жанров, ср. [Бахтин 1986]. Так, иносказательность пословиц основана на когнитивном преобразовании многомерного характера и дает пример рождения человеческой мудрости высшей пробы, что было блестяще показано более ста лет назад А.А. Потебней.

В пословицах воплощается творческий характер языка. Они не только закрепляют в образной форме и передают в будущее знания предшествующих поколений, но и позволяют осмысливать новые жизненные ситуации через призму установленных ранее аксиом. В этом заключается креативность пословиц: развивать знания, сохраняя их преемственность. Ср. философское осмысление периода “перестройки” в истории нашей страны с помощью пословицы *Ломать — не строить*.

Остановимся кратко на сущности главных семантических механизмов паремиологии. Для большинства таких выражений характерны метафоричность и образность: паремиологическая единица отправляется от некоторого первичного образа и моделирует другие явления действительности через привязку к этому образу, совершая переносную номинацию новых ситуаций, в чем-то аналогичных этой первичной ситуации (ср. *По избе ходит, а дверей не найдет* [Даль 1994: 1035]); по мере расширения сферы употребления данного выражения растет его степень обобщения и, тем самым, степень образности (образ ситуации как когнитивный инструмент познания мира становится все более емким).

Законы образного переноса знаний из одной сферы в другую являются стабильными для языка: ведь на их основе осуществляется как вербализация замысла говорящим, так и его понимание слушающим. Метафорическое осмысление затрагивает и отдельные слова, и паремиологическую фразу в целом. Надо сказать, что даже при низкой (почти нулевой) степени метафоричности паремиологическое выражение все равно обладает обобщающей силой (оно позволяет, в силу своего статуса народной мудрости, “примерять” стереотипную ситуацию к каждому конкретному жизненному случаю). Просто образы могут быть более или менее яркими.

В чем же заключается наиболее глубинное действие когнитивных механизмов метафорического образного обобщения? Механизмы метафоры во многом основаны на когнитивной операции уподобления одного объекта другому. Чаще всего основание уподобления скрыто от непосредственного наблюдения. Однако существуют конструкции, эксплицирующие признак сопоставления (с помощью прилагательного, глагола или, реже, абстрактного существительного): *Похожи, как две капли воды; В тихом омуте черти водятся; Что быстро созревает, то быстро загнивает* [Клюкина, Клюкина-Витюк 1996: 140, 179, 76]. Интересно, что в последней конструкции эксплицитно указаны основания уподобления, но не назван ни один из сопоставляемых объектов.

Во всех случаях эксплицитного уподобления эта когнитивная операция может одновременно рассматриваться и как особый речевой акт (т.е. входит в коммуникативный потенциал той или иной пословицы) [Серл 1982]. Недаром самым распространенным конструктивным принципом построения паремий является образный параллелизм. Ср. дунганскую пословицу:

Тян¹ йУ ө¹ лын², фын1 йУ ө¹ ж ин²,

Жын¹ йУ ө¹ ю², щин¹ йУ ө¹ хын².

Букв.

“Погода чем холоднее, ветер тем сильнее,

Человек чем богаче, сердце тем злее.”

Важный аспект функционального рассмотрения пословиц и поговорок — их когнитивно-коммуникативное поведение в составе того или иного типа дискурса. Показателен в этом отношении художественный дискурс, особенно драматургия. Так, сложное взаимодействие между текстом пьесы и ее названием, выраженным русской пословицей, широко представлено в комедиях в народном духе А.Н. Островского. Из 54 пьес, написанных драматургом, 19 названо русскими пословицами: “Не все коту масленица”, “Не в свои сани не садись”, “Бедность не порок”, “На всякого мудреца довольно простоты”, “Свои люди — сочтемся!” и др.

В последней из названных пьес пословица не просто иллюстрирует ее содержание, но, по сути, противоречит ему. Так, главный герой купец Самсон Силыч Большов в своей афере рассчитывает на то, что его приказчик Подхалюзин разделяет точку зрения, выраженную в пословице, но Самсона Силыча ждет глубокое разочарование, когда он оказывается коварно обманутым, ибо его дочь и ставший зятем Подхалюзин придерживаются другого мнения: *Кто смел, тот и съел.*

Применение психолингвистического эксперимента

Экспериментальный подход имеет принципиальное значение для всех разделов языкознания [Щерба 1974: 32-37]. Его применение в паремиологии позволяет получать довольно непосредственный доступ к сознанию носителей языка, к процессам осмысления ими своего паремиологического запаса [Пермяков 1988: 149-169]. Эксперименты здесь могут быть различными и по объектам исследования, и по аспектам преимущественного анализа, и по характеру подготавливаемых материалов (стимулов), и по методике взаимодействия с информантами. Наша экспериментальная работа проводилась в составе комплексных полевых исследований по разным аспектам лексики и семантики дунганского языка, а также, отчасти, на материале китайского, русского, английского, французского, алтайского, уйгурского языков [Вопросы 1991].

Специально исследовались паремии, включающие ряд потенциально образных слов; фразеологические обороты, содержащие упоминание различных частей тела человека; сравнительные образные конструкции с различными прилагательными. Все эксперименты позволяют, в-первых, сделать вывод о зыбкости границ между различными видами фразеологических единиц. Во-вторых, степень фразеологичности языковых выражений убывает (и возрастает) плавно, что говорит о специфической роли фразеологического фонда как своеобразного моста между языком и речью. (Здесь надо упомянуть также о том, что в ходе проведения наших экспедиций по дунганскому языку проводились серии экспериментов по различным проблемам лексической и грамматической семантики, и протоколы этих экспериментов тоже содержат фразеологический материал, но там он выступает как “побочный”.)

При специальном исследовании паремий были взяты следующие существительные с конкретным значением: “корень” (кит. 根 gen¹), “свинья” (кит. 猪 zhu¹), “рот” (кит. 口 kou³ и 嘴 zuǐ³), “шерсть, волосы, пух, перья” (кит. 毛 maο²), “кровь” (кит. 血 хие⁴), “дверь, ворота, вход” (кит. 门 men²), “дракон” (кит. 龙 long²). Здесь представлены мир растений, мир животных, мир артефактов, мир мифов. Заметим, что значение “рот” в китайском языке выражается двумя разными простыми лексемами. Слово со значением “шерсть” обладает более широкой денотативной семантикой, то же относится и к слову со значением “дверь”. Мифический образ дракона носит культурно-зависимый характер.

Методика в этом случае состояла в том, что участник эксперимента получал лист с четырьмя из указанных восьми слов и записывал те “устойчивые, часто употребляемые выражения” с ними, которые приходили ему на память. Время предоставлялось в общей сложности в

объеме 30 минут. Информантам было объяснено, что писать надо такие употребительные в устной или письменной речи устойчивые фразы, которые легко вспоминаются и не требуют долгих раздумий.

После основной части эксперимента проводилась аналитическая работа с участием опытного носителя китайского языка высокого культурного уровня. При этом выяснялись типовые контексты употребления фразеологических единиц и их интерпретация.

Уже самые простые обобщения имеют существенное значение для многих параметров фразеологического фонда вообще и паремиологического — в частности. Так, если мы составим таблицу общего количества реакций, которые получены для каждого слова-стимула, то мы сможем судить о сравнительной “фразеологической активности” отобранных конкретных существительных в китайском языке. А если мы сопоставим эти данные с близкородственным дунганским или с неродственным русским языком, мы получим семантико-генетические и семантико-типологические наблюдения.

Фрагмент наших экспериментальных результатов по китайскому языку отражен в таблицах 1 и 2. Четыре из ключевых слов-стимулов были предъявлены в письменном виде шести информантам — носителям китайского языка (количественные данные о полученных реакциях см. в табл. 1), а остальные четыре ключевых слова были предъявлены другим шести информантам (см. табл. 2). В эксперименте участвовали студенты Фуданьского университета, выходцы из разных провинций КНР.

Таблица 1

Информант	Число реакций на ключевые слова-стимулы			
	龍 long ² “дракон”	門 men ² “дверь”	口 kou ³ “рот”	毛 mao ² “шерсть”
Шифр				
1	8	6	8	9
2	6	7	8	9
3	5	7	6	6
4	5	6	4	8
5	3	5	4	8
6	4	6	6	8
Всего	31	37	36	48
Из них разных паремий	12	14	14	16

Таблица 2

Информант	Число реакций на ключевые слова-стимулы			
Шифр	根 gen ¹ “корень”	嘴 zui ³ “рот”	血 xue ⁴ “кровь”	猪 zhu ¹ “свинья”
7	3	2	3	1
8	2	1	5	1
9	4	5	3	1
10	3	1	3	4
11	4	4	5	4
12	2	2	5	5
Всего	18	15	21	16
Из них разных паремий	11	11	10	9

Разберем теперь такой пример. В эксперименте на стимул **根 gen¹** был получен фразеологизм **根深蒂固 gen¹ shen¹ di⁴ gu⁴** букв. “корень глубокий плодоножка крепкая” (или “корни глубокие плодоножки крепкие”). Эту паремию привели в эксперименте шесть информантов из шести. Возможна двоякая трактовка буквального плана этого выражения: во-первых, в смысле “Если корни глубокие, то плодоножки крепкие” (тогда в русском переводе надо ставить тире); во-вторых, в смысле “и корни глубокие, и плодоножки крепкие” (тогда в русском переводе надо ставить запятую).

При первой трактовке перед нами типичная пословица, которая имеет, далее, переносные значения “Если человек имеет глубокие связи со своими предками и учителями, то он крепко держится на древе жизни” (“Кто опирается на предков, тот крепко стоит на этой земле”, “Если у тебя глубокие корни, то будет и прочное положение”) или “Если дело имеет глубокие корни, то ему обеспечено прочное (надежное) будущее”.

При второй трактовке перед нами фразеологизм, хотя и состоящий из двух частей, но относящийся в целом к одному объекту (в буквальном плане — к некоторому растению); в речевом контексте эта конструкция может выполнять предикативную или атрибутивную функции, реализуя при этом коммуникативную цель характеристики какого-то предмета или явления. Например, в буквальном плане применительно к яблоне мы будем иметь значение “глубоко укоренившаяся, хорошо плодоносящая, окрепшая, здоровая, живучая яблоня”. Развив

переносные значения, этот фразеологизм участвует в выражении таких смыслов, как “глубоко укоренившийся обычай” или “застарелая привычка” и др.

Мы видим, что в рамках единой фразеологической единицы существуют и собственно паремиологическая фраза, и фразеологическое выражение с предикативно-атрибутивной функцией. И по обеим линиям эта единица развила полисемию. Основных направлений метафорического переноса здесь два: из когнитивной сферы “Знания о растениях” в сферу “Знания о психике человека, в частности о формировании привычек” и в сферу “Знания о социальных связях и стереотипах”. Когнитивный механизм переноса основан на образах {КОРЕНЬ}, {ПЛОД}, {ПЛОДОНОЖКА} (последний образ, будучи далеко не универсальным, отражает глубокую мудрость, состоящую в том, что важны не просто прочные связи между корнем и плодом, но особое значение имеет крепость последнего звена этих связей, звена, на котором держится плод и которое не должно быть слабым или гнилым; если плод будет велик и плодоножка не выдержит, то плод упадет раньше времени и погибнет незрелым). Именно такого рода коммуникативные импликатуры и следствия несет в себе данная фразеологическая единица. В случае, если мы говорим об укоренившейся вредной привычке, важны будут другие умозаключения, а именно: эту привычку (как плод неправильного поведения) уничтожить будет трудно потому, что она крепко привязалась к человеку (посредством “плодоножки”) и имеет, к тому же, глубокие корни (в длительной истории несправедливой жизни). Интересно, что, как мы видим, когнитивные механизмы образного моделирования ситуации служат основой вывода имплицитной информации в любом конкретном коммуникативном контексте.

Далее, компонентный анализ метафорических переносов позволяет представить когнитивные механизмы корреляций в более подробном виде [Зевахина 1985]. В частности, перенос из одной сферы в другую основан на инвариантных семантических компонентах, таких, как <ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЯВЛЕНИЯ>, <ИСТОЧНИК ПРОЦЕССА>, <ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ>, <ПУТЬ РАЗВИТИЯ>, <РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ>, <СОХРАНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА>.

Анализ выражения 根深蒂固 *gen¹ shen¹ di⁴ gu⁴* может быть резюмирован в виде следующего описания его значений: I. (1) Если корни глубокие, то плодоножки крепкие (2) Если у человека глубокие корни, то он прочно стоит на земле (у него прочное положение) (3) Если дело имеет глубокие корни, то ему обеспечено прочное будущее II. (1) имеющий глубокие корни (2) глубоко укоренившийся, закоренелый (3) глубокий, имеющий глубокие причины (4) застарелый, укоренившийся, давний, древний (5) заядлый, закоренелый, неисправимый.

Построение, ведение и использование баз данных

Компьютеризация паремиологических исследований включает прежде всего создание и ведение баз данных (БД). К их числу относятся: БД паремий для каждого конкретного языка (с указанием их признаков в соответствии с описанной выше системой параметров); БД значимой лексики для каждого языка (с указанием семантических признаков слов и их вхождения в те или иные паремии); типологическая БД логико-тематических типов паремий (с указанием их реализаций в конкретных языках).

Используя базы данных, мы можем получать исчерпывающую информацию о любой конкретной паремии, проводить общесемиотические и типологические обобщения.

Так, применительно к пословицам и поговоркам можно говорить о семантических универсалиях. Наметим некоторые универсалии такого рода.

- Во всех языках есть пословицы и поговорки, использующие метафорический потенциал конкретной лексики из таких семантических полей, как “ЖИВОТНЫЕ” (“Волк”, “Змея”, “Лягушка”, “Лошадь”, “Корова”, “Собака”); “РАСТЕНИЯ” (“Дерево”, “Трава”, “Корень”, “Лес”); “ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ” (“Солнце”, “Луна”, “Звезда”, “Вода”, “Огонь”, “Ветер”); “ПИЩА” (“Еда”, “Хлеб”, “Молоко”, “Мясо”, “Мед”); “БЫТ” (“Дом”, “Дверь”, “Ворота”, “Двор”, “Сад”), “ЧАСТИ ТЕЛА” (“Голова”, “Глаза”, “Брови”, “Рот”, “Язык”, “Руки”, “Ноги”, “Волосы”, “Сердце”).

- Во всех языках в фонде пословиц и поговорок когнитивному моделированию подлежат знания о таких важных (в языковой картине мира) явлениях, которые выражаются с помощью слов всех частей речи, включая: конкретные существительные из поля “ЛИЦА” (“Человек”, “Женщина”, “Жена”, “Отец”, “Мать”, “Сын”, “Учитель”, “Сосед”, “Царь”, “Друг”, “Враг”, “Гость”, “Вор”, “Трус”, “Дурак”); абстрактные существительные из поля “ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ” (“Жизнь”, “Смерть”, “Дело”, “Работа”, “Слово”), из поля “ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ” (“Знание”, “Правда”, “Привычка”), из поля “ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ” (“Здоровье”, “Сила”, “Боль”), из поля “ЭМОЦИИ И СОСТОЯНИЯ” (“Горе”, “Гнев”, “Голод”, “Смех”); глаголы, обозначающие разнообразные “ДЕЙСТВИЯ” (“Жить”, “Работать”, “Учиться”, “Видеть”, “Слышать”, “Говорить”, “Молчать”, “Любить”, “Жалеть”); прилагательные, обозначающие различные “СВОЙСТВА И СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ” (“Умный”, “Глупый”, “Ленивый”, “Скупой”, “Сытый”, “Голодный”, “Пьяный”).

- Во всех языках в паремиях не только отражены одни и те же семантические поля, но и участвует определенное множество одних и

тех же слов (в типологическом отношении семантически эквивалентных). Для выявления ядра и периферии такого множества требуются дальнейшие планомерные исследования, но уже сейчас можно предположить, что многие из упомянутых выше лексико-семантических единиц окажутся универсально значимыми в паремиологических фондах языков мира.

- Во всех языках есть пословицы и поговорки, которые могут одинаково уверенно интерпретироваться как в прямом, так и в переносном плане (ср. русскую пословицу *Не зная броду, не суйся в воду*, или китайскую 开门见山. букв. “Открыв дверь, увидеть горы”, перен. “Говорить прямо и открыто”).
- Во всех языках есть паремии, рисующие на поверхностном уровне конкретную ситуацию (прямой план), в то время как интерпретация ее предусматривает осмысление только в переносном плане. Например: узбекская пословица *Косанинг тагида — ним коса* “Под чашкой есть еще меньшая чашка (о подоплеке какого-нибудь дела)” [Калонтаров 1969: 172].
- Во всех языках есть такие пословицы и поговорки, которые сформулированы на абстрактном уровне, но для полной интерпретации требуют раскрытия определенных имплицитных знаний. Например, для понимания поговорки *В тесноте, да не в обиде* существенно вскрыть ассоциативные, вероятностные компоненты значения слова *теснота* (<ограниченные пространственные возможности для осуществления какого-то социального события>), вскрыть ассоциативные компоненты слова *обида* (<ограничение проявлений личности со стороны хозяина или участников социального взаимодействия>), вскрыть коммуникативные характеристики актуализации данной поговорки в речи (часто это объявление кредо хозяина в отношении своих гостей или обращение участников события друг к другу с целью успокоить собрата и оказать ему моральную поддержку).
- Во всех языках есть такие пословицы и поговорки, в которых высказывается некая мудрость уже сразу на абстрактном уровне, и при этом не требуется никакой дополнительной интерпретации для вскрытия имплицитного знания (ср. *Привычка — вторая натура*).
- Во всех языках имеются некоторые универсальные типы метафорических переносов. Они перекликаются с общими законами поэтический образности [Павлович 1995]. Однако метафорика паремиологических образов, в отличие от образов в различных поэтических жанрах, имеет гораздо более определенный (в когнитивно-логическом плане) характер. Паремия обычно основана на развернутой семантической формуле и на достаточно четких правилах ее метафорического преобра-

зования. Иначе говоря, здесь речь идет об образном осмыслении целой ситуации. Мы имеем здесь дело с метафорикой ситуационного образа.

* * *

Итак, слово, паремия, образная когнитивная формула — это опорные пункты, через которые осуществляется тесная связь языка, речи, мышления и повседневного опыта национального социума. Комплексное многомерное описание этих явлений с использованием как культурно значимых источников, так и живого эксперимента позволяет наращивать паремиологические базы данных — необходимый инструмент современных когнитивных и типологических исследований

Л и т е р а т у р а

- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *М.М. Бахтин.* Литературно-критические статьи. — М., 1986.
- Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии: Материалы к семантической типологии / Отв. ред. Б.Ю. Городецкий, М.Х. Имазов. — Бишкек, 1991.
- Городецкий Б.Ю.* К проблеме семантической типологии. — М., 1969.
- Городецкий Б.Ю.* О принципах инвентаризации семантики языка и подязыка // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики / Отв. ред. В.А. Звегинцев. - М., 1973.
- Городецкий Б.Ю.* Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. - М., 1983.
- Городецкий Б.Ю.* О предмете лингвистической семантики // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке / Отв. ред. Э.Ф. Володин, В.П. Нерознак. — М., 1986.
- Даль В.И.* Напутное // Пословицы русского народа. В 2 томах. — М., 1996.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т.т. 1-4 (Репринтное воспроизведение издания 1903 — 1909 гг.): Т. 1: А-З. — М., 1994.
- Дунганские пословицы, поговорки, изречения и загадки [На дунганском языке: Хуэйзү ди кулюр, кугə р, цэчү хуа лян цэхуар] / Лит. обработка и предисл. *Х. Юсурова*; составитель *Р. Юсурова*. — Фрунзе, 1984.
- Жуков В.П.* Поговорка // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. — М., 1990а.
- Жуков В.П.* Пословица // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. — М., 1990б.
- Зевахина Т.С.* К вопросу об универсалиях в области полисемии // Лингвистическая типология. - М., 1985.
- Зевахина Т.С.* На пути к метафоре: семантика уподобления // Актуальные вопросы китайского языкознания (Материалы IV Всесоюзной конференции). — М., 1988.
- Зевахина Т.С.* Образное сравнение в дунганском языке (в сопоставлении с другими языками) // Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии. — Бишкек, 1991.
- Из работ московского семиотического круга / Сост. Т.М. Николаева. — М., 1997.
- Имазов М.Х.* О семантике существительных в дунганских пословицах и поговорках. // Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии. — Бишкек, 1991.
- Калонтаров Я.И.* Таджикские пословицы и поговорки в сравнении с узбекскими. — Душанбе, 1969.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. - М.: МАКС Пресс, 2002. - Вып. 21. - 184 с. ISBN 8-317-00458-6

- Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М., 1981.
- Китайско-русский словарь / Гл. ред. *Гу Бай-линь*. — Шанхай, 1992.
- Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Ю.* Пословицы и поговорки — русско-английский фразеологический словарь. — М., 1996.
- Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка / Отв. ред. *В.Н. Телия*. – М., 1988.
- Мельчук И.А.* О терминах “устойчивость” и “идиоматичность” // Вопросы языкознания. №4. – М., 1960.
- Павлович Н.В.* Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М., 1995.
- Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише. – М., 1970.
- Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. — М., 1988.
- Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // *А.А. Потебня*. Теоретическая поэтика. – М., 1990.
- Потебня А.А.* Символ и миф в народной культуре. — М., 2000.
- Серл Дж.Р.* Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост. *Н.Д. Арутюнова*. — М., 1982.
- Телия В.Н.* Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. — М., 1990а.
- Телия В.Н.* Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. — М., 1990б.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. *А.И. Молоткова*. – М., 1968.
- Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Л.В. Щерба*. Языковая система и речевая деятельность. — М., 1974.